

**Виталий Будённый**



## **УЛИЦЫ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ**

(К 81-й годовщине освобождения Воронежа от немецко-фашистских захватчиков)

### **РУКИ НЕ ОПУСКАТЬ**

*Крейзер Яков Григорьевич (4 ноября 1905 — 29 ноября 1969). Родился в Воронеже. Генерал Армии, прошел путь от командира взвода до командующего армией. Герой Советского Союза. Именем Крейзера названы улицы в Воронеже, Севастополе, Симферополе и Борисове.*

Красноармеец Свинкин и сержант Рыкалин слыли в полку ловкими сочинителями куплетов. Начинал обычно Свинкин. Роев окоп, как все, потом вдруг замрет и сидит, не двигаясь, смотрит в одну точку. И выдает:

Фрицы, brave ребята,  
К нам пришли веселые ...

Тут приходит черед Рыкалина. Этот, наоборот, не замирает. Он начинает ходить туда-сюда, выхаживает рифму. Потом на ходу выпаливает:

А от нас еще быстрее —  
На небо новоселами!

И так все время. Вот как-то солдаты им говорят:

— Ребята, вы бы чего посерьезнее сочинили.

— А что посерьезнее, — спрашивает Свинкин, — роман, что ли? «Анну Каренину»?

*Виталий Анатольевич Будённый родился в 1966 году в Воронеже. Окончил Московский государственный институт международных отношений. Помимо профессиональной деятельности увлекался литературным творчеством, особенно написанием детских рассказов. Публиковался в «Литературной газете», детских журналах «Чудеса и приключения детям», «Фантазеры», «Костер», «Саша и Маша», «Сибирячок» и др. Автор книги «Улицы воинской славы». Лауреат премии «Золотой теленок». Живет в Воронеже.*

— Роман до конца войны не успеете. Времени мало. Вы бы песню. Про комдива.

— Про Якова Григорьевича?

— Про него. Сколько при нем фрицев побили. Не помешает песня-то, а?

— Не помешает, — согласились красноармеец Свинкин и сержант Рыкалин.

Согласились, а потом сами же об этом и пожалели. Как сочинять? Про что сочинять? Бои, что ли, в рифму описывать?

Вспомнили, как все начиналось. Как в самом начале войны, 23 июня 1941 года, бросили 1-ю Московскую мотострелковую дивизию, которой командовал полковник Яков Григорьевич Крейзер, сначала на Оршу, а потом на Борисов. И сразу же, с марша, вступили в бой за мост через Березину с 18-й танковой дивизией немцев. Двое суток крутилась смертельная мясорубка. У фашистов было полное господство в воздухе. Безнаказанно самолеты люфтваффе раз за разом сбрасывали смертоносный груз на позиции наших бойцов. Вода в реке вскипала от разрывов бомб. Наступали танки — немецкая броня на русском поле брани. Дивизия не дрогнула, стояла насмерть.

Громит врага оружием,  
Дивизия бесстрашная...

Само собой вырвалось у Свинкина. Рыкалин долго ходил взад-вперед и наконец улыбнулся:

На подвиги геройские  
Нас Крейзер в бой зовет.

После сражения за мост через Березину дивизия заняла оборону, оседлала шоссе Минск — Борисов — Смоленск. Это была самая важная транспортная магистраль, по которой фашисты собирались быстро дойти до Москвы. Надо было сдерживать многократно превосходящие силы врага. Но как? Полковник Крейзер относился к происходящим событиям осмысленно. Он наблюдал, анализировал обстановку и делал выводы. Заметил, что немецкие оккупанты остерегаются действовать ночью. И превратил слабость врага в свою силу.

В ночное время дивизия организованно меняла расположение. Утром немецкая тяжелая артиллерия, минометы, авиация «работали» по старым позициям, перемешивая землю с бревнами оборонительных сооружений. А подразделения дивизии Крейзера ждали их в новом месте, неожиданно нападали и снова громили. Бессонные ночи изматывали наших солдат и офицеров, но фашистов такая тактика подвижной обороны изматывала еще больше. Чем подвижнее наша оборона, тем неподвижнее вражеская техника. Командир 18-й танковой дивизии генерал Неринг написал в приказе:

«Потери снаряжением, оружием и машинами необычайно велики... Это положение нетерпимо, иначе мы “напобеждаемся” до собственной гибели...»

Наши действия в обороне лишили 18-ю танковую дивизию немцев половины танков. И, главное, драгоценного времени. Солдаты и офицеры под командованием полковника Крейзера задержали фашистское наступление на 12 дней. А в той обстановке — на целую вечность. Резерв 20-й Армии успел выйти на рубеж обороны по Днепру к Смоленску. Это было начало конца фашистского блицкрига, гитлеровского плана молниеносной победы над нашей Родиной.

Воспоминания о недавних боях навеяли красноармейцу Свинкину строчки:

Лавиной сокрушительной,  
Пошли бойцы отважные...

Тут он замолчал и посмотрел на Рыкалина. Рыкалин подумал и выдал:

За наше дело правое,  
За наш родной народ!



Яков Крейзер

— Хорошая песня получилась, — сказал Свинкин.

— Да, — кивнул Рыкалин, — боевая.

За эти сражения, за то, что задержал фашистские танки, за то, что выиграл драгоценное время, полковник Крейзер первым из советских пехотных командиров получил 22 июля 1941 года звание Героя Советского Союза.

Потом было ранение, после которого боевой путь теперь уже генерала Крейзера продолжался. В августе 1943 года он принял командование 51-й Армией, с которой будут связаны крупные наступательные операции. Сначала 51-я прорвала Миус-фронт, хорошо укрепленный оборонительный рубеж немцев. Сами фашисты называли его «Миус-фронт Колло-саль». Ни отборная танковая дивизия СС «Мертвая голова», ни поддержка семисот са-

молетов с воздуха не помогли немцам сдержать натиск 51-й Армии. Как в дальнейшем им ничто не поможет при встрече с частями и подразделениями генерала Крейзера. На боевом счету 51-й Армии: освобождение Донбасса, форсирование Сиваша, взятие Перекопа и героическое участие в освобождении весной Севастополя. И последняя операция, которая была завершена уже после 9 мая 1945 года: блокирование и приведение к капитуляции 30 немецких дивизий в Прибалтике.

Сам генерал, несмотря на занятость, всегда с вниманием относился к простым солдатам. Беседовал с ними, знал их нужды. Помнил подвиги своих бойцов и любил вспоминать о них. Не просто вспоминать, а приводить в пример для пользы общего дела. Говорил, бывало, так:

— Растерялся в бою, считай, уже нет тебя. Вот расскажу вам такой случай. У нас в 346-й стрелковой воюет сержант Плотников. Мой земляк, тоже воронежский. Что он, значит, сделал. Идет бой. Мы обороняем высоту. Фашист прет, сил нет. Но мы держимся. Пошел фриц в очередную атаку, не помню, какую уже за день. Тут на одном участке обороны наш пулемет замолчал. Почему, не ясно. Потом и расчет из строя выбыл. А немцы уже близко. Оборона без пулемета, сами знаете, как свадьба без баяна. Сержант Плотников — он, в первую очередь, не растерялся. Проявил боевой дух и солдатскую смекалку. Под непрерывным огнем противника разобрал пулемет, продул детали от песка и снова собрал. И заработал ведь пулемет! Вот подарочек для фрицев. Не было пулемета, не было, и тут вдруг нате — поливает их огнем!

На этом месте Яков Григорьевич обычно улыбался и продолжал:

— Сержант Плотников начал фашистов косить направо-налево. В общем, отбили атаку. И желание у немцев в этот день атаковать тоже отбили. А растеряйся сержант, что было бы? То-то же. Такое дело: на войне, что бы ни случилось, руки опускать нельзя.

Тут генерал Крейзер улыбался во второй раз. И с ним улыбались солдаты. Они верили: где генерал, там победа.

## ВТОРОЙ ПОСЛЕ СТАЛИНА

*Трайнин Петр Афанасьевич (18 июня 1909 — 9 августа 1978). Родился в селе Александровка ныне Таловского района Воронежской области. В семье было 13 детей. Старшина. Механик-водитель танка Т-34 150-й танковой бригады. Герой Советского Союза. Герой Социалистического Труда. Именем Трайнина названа улица в р.п. Таловая Воронежской области.*

Не так собирались они пройти по улицам столицы Советского Союза. Еще несколько лет назад гордые и немилосердные покорители всей холеной Европы, всех парижей, амстердамов, брюсселей, праг, вен и варшав, теперь они — вшивое стадо военнопленных. Небритые, плохо одетые, не смеющие поднять глаз от земли, которая непонятно почему их до сих пор носит. Пленные немцы, рядовые и генералы, побитыми собаками идут по улицам Москвы. Они принесли на нашу землю горе войны, голод, кровь, разорение, миллионы смертей, миллионы детей, оставшихся сиротами, миллионы отцов и матерей, оплакивающих своих сыновей и дочерей.

Советские люди стоят вдоль улиц. Многие из них никогда не видели немцев в лицо, а видели только немецкие самолеты, сбрасывающие бомбы и расстреливающие мирных жителей, видели своих родных, выкопанных из-под завалов, видели похоронки на отцов, мужей и сыновей. Могли бы разорвать сейчас проклятых фашистов руками. Но почему-то быстро прощает русское сердце.

Вслед за пленными едут мочные машины, чтобы мощными струями воды смыть с наших улиц ненавистные следы фашистов и фашизма. Но как смоешь раны, оставленные войной? Перед многими проплывают воспоминания этих страшных и гордых военных лет. И человек, который в нашей стране станет вторым после Сталина, не исключение.

Вот он, механик-водитель, принимает участие в обороне Москвы. В ноябре срок первого севернее Волоколамска идут кровопролитные бои. Его легкий танк БТ-7 сталкивается с немецким Pz-III лицом к лицу, броня к броне. Он чувствует нужный момент, вовремя останавливает боевую машину, и командир успевает выстрелить на секунду раньше: немецкий танк горит, советский продолжает бой.

За ноябрем следует декабрь, и начинается наше наступление под Москвой. Он на том же БТ-7 совершает дерзкий рейд по тылам замерзающих немцев. Неожиданно на дороге появляются два Pz-III. Из укрытия наши поджигают второй танк и собираются выстрелить по первому, но тут, как всегда нехвата, заканчиваются броневой снаряды. На принятие решения остаются секунды. Или пропустить немцев и без риска вернуться к своим, или... Он дает полный газ и идет на таран. Под острым углом заходит на вражеский танк и самым прочным местом, серединой лобового ребра, где лист лобовой брони прочно сваривается с днищем, выцеливает на ведущее колесо Pz-III. За мгновение до столкновения отключает сцепление, чтобы не повредить свой главный фрикцион и коробку передач. Бьет на встречном курсе. В куски разносит и колесо, и гусеницу вражеского танка, потом дает полные обороты, на второй передаче тащит немецкую машину еще метров десять и сбрасывает ее в обрыв реки. Танк весом в двадцать тонн, как игрушка, переворачивается через башню и застывает безжизненной глыбой высококачественного металла.

На дороге появляется третий танк, и его тоже таранят, не оставляя шансов на то, чтобы вернуться и предупредить своих.

— Нет таранки, — с теплой грустью вспомнит довоенные выходные дни человек, который через несколько лет станет вторым после Сталина, — зато на боевом счету есть два тарана.

Через месяц в дозоре его танк наткнется на немецкую противотанковую батарею, готовящуюся расстрелять нашу колонну. Можно было бы доложить о засаде по радию и дожидаться подкрепления, но кто его знает, как там сложится боевая обстановка. И командир принимает решение уничтожить батарею с ходу, огнем и гусеницами. Во время боя батарею уничтожат, но дорогой ценой: танк подбит и убиты два члена экипажа, командир и башнер. Только он, механик-водитель, не стогорит внутри и не будет застрелен, когда выберется наружу.

После этого боя его отправят в запасной танковый полк. Там, в одном из старинных русских городов, его до глубины души потрясет самоотверженность тружеников тыла. У станков в большинстве своем женщины и подростки, которые, отказывая себе в еде и отдыхе, лучшее отдают фронту.

И он тоже снова на фронте. Новая часть, новый танк. «Как Америка России подарила эмзеэс, шуму много, толку мало, высотой до небес». Это русская складная частушка об американском нескладном танке «Шерман». Странно сконструированный. Высоченный. Под днищем на четвереньках пролезть можно. А как в канаву заедет — так сразу набор переворачивается, только тягачом и вытянешь. Но ему достается другой лендлизский танк. Английский «Валентайн», или, по-русски, Валентин. День которого так и не наступил. Поскольку это была слабая, всего 140 л.с., и тихоходная, максимальная скорость 26 км/ч, машина с ограниченной маневренностью и слабенькой 40-мм пушечкой. В одном из первых боев этот так называемый танк был подбит, командир танка убит, башнеру Виктору Чистякову осколком бомбы оторвало ступню, а он, механик-водитель, получил ранения в обе руки. Вместе с мехводом другого подбитого танка они вынесли тяжелораненого Чистякова к своим.

После госпиталя человек, который станет вторым после Сталина, получит звание сержанта и танк Т-34. Вот это настоящая боевая машина! Теперь он механик-водитель в 150-й танковой бригаде, которая действует на родной воронежской земле, прямо у стен его отчего дома. На этой земле он вырос, здесь делал свои первые шаги. Он и сейчас помнит ее: укрытую роскошным ковром разнотравья, величаво колыхающуюся золотистыми волнами спелых хлебов, ласково манящую к себе шелковистыми махалками ковылей. Сейчас эта земля разворочена вдоль и поперек смертоносным железом, испещрена шрамами окопов и траншей, поражена сыпью дотов и дзотов, в которых засели иноземные убийцы и насильники. Теряя боевых товарищей, оставляя на поле боя горящие танки, механик-водитель в составе своей бригады будет гнать проклятого врага с родной земли, в боях получая радостные вести: освобожден Воронеж, враг разбит в Сталинграде. Второго февраля 1943 года бригада победоносно выйдет за пределы Воронежской области. Танков в ней останется только на один батальон.

Переправились через Днепр. Чтобы сберечь людей и взять село Страховское, которое немцы, даже не понимая названия, сделали непреодолимым центром своей обороны, нужно будет провести хотя бы несколько танков по мосту через безымянную речушку. Но мост заминирован — по правую его сторону немцы навалили кучу толовых шашек. Хотели пользоваться мостом до последнего, а потом взорвать.

Для операции выберут самого опытного мехвода — героя нашего рассказа. Вот он подводит свой Т-34 к мосту. Снайперская точность тебе в помощь, танкист. Спичечной коробкой так не прицелишься, как сейчас нужно прицелиться многотонной бронированной машиной. Правая гусеница должна пройти впритирку с толлом, если хоть немного наедет — взрыв. Левая гусеница уже наполовину свисает с моста, одно неверное движение рычагом, еще пару сантиметров влево — и танк рухнет в реку. И ползти медленно на первой передаче тоже нельзя — с того берега в любую секунду может рывкнуть противотанковая пушка.

Конец моста он угадает шестым чувством. Развернет танк, и «тридцатьчетверка» на треть зависнет над водой. Даст полный газ. Передние траки гусениц взрыхлят берег, и танк, набирая скорость, рванет на полубатагею врага. Еще минута, и от пушек останется только пушок.

Три дня и три ночи будет идти жестокая битва за этот плацдарм на западном берегу Днепра. На земле «тигры» и «пантеры», артиллерия и пехота, с воздуха «юнкерсы-87» — все будет против. Только непобедимый дух русского человека будет за. И наши выстоят, хотя из всего танкового батальона в бою останется только одна «тридцатьчетверка» — та самая, которая первой прошла по мосту. Да и у нее взрывом будут повреждены механизмы поворота башни и вертикальной наводки. Экипаж покинет танк и займет оборону вместе с танкистами других горящих машин. В танке останется только он, механик-водитель. Снимет курсовой пулемет и будет отстреливаться. В перерывах между атаками гитлеровцев отремонтирует механизм вертикальной наводки — заработает пушка, и отбивать атаки наседающего врага танкистам станет легче. А в это время на плацдарм будут переправляться все новые и новые части и подразделения Красной Армии. Днепр снова станет нашим.

За подвиги, совершенные во время операции по форсированию Днепра, механик-водитель танка Т-34 гвардии старшина Трайнин Петр Афанасьевич получит звание Героя Советского Союза. А после Победы таловский танкист вернется в узбекский совхоз «Галля-Арал», где работал до войны, и в 1947 году за рекордный урожай получит звание Героя Социалистического Труда. До него во всем огромном Советском Союзе этими двумя высшими наградами был отмечен только Верховный Главнокомандующий. Так и станет уроженец села Александровка ныне Таловского района Воронежской области Петр Афанасьевич Трайнин вторым после Сталина.



Петр Трайнин

## 400 КИЛОМЕТРОВ НАД ЗЕМЛЕЙ

*Феоктистов Константин Петрович (7 февраля 1926 — 21 ноября 2009). Родился в Воронеже. Во время оккупации города был разведчиком. Летчик-космонавт СССР. Первый гражданский человек в космосе. Разработчик космических кораблей. Герой Советского Союза. Именем Феоктистова названы улицы в Воронеже, Росоши, Бутурлиновке, Павловске и проезд в Камышине.*

Зрелище не для слабонервных. В невероятном грохоте, все пожирающем огне и гигантских столбах черного дыма планету Земля покидает космический корабль «Восход». Трехсоттонная махина ракеты-носителя вырывается из объятий могущественной гравитации. Чтобы сделать это, двигатели развивают мощность в миллионы лошадиных сил! За секунду ракета промахивает 150 хоккейных площадок. От такого нападающего не отказалась бы ни одна команда. Внутри — три советских космонавта: командир Владимир Комаров, ученый, проектировщик кос-

мических кораблей воронежец Константин Феоктистов и врач Борис Егоров. На них надеты не привычные скафандры, а всего лишь плотные шерстяные спортивного вида костюмы: ведь это первый в истории человечества космический полет без скафандров.

Феоктистов прильнул к иллюминатору. Сбылась его детская мечта: он покоряет космическое пространство! И сразу по-другому повело себя время. Константин Петрович вспомнил, с чего все начиналось, какими были его первые шаги во взрослую жизнь.

Лето 1942-го. Из последних сил сражающийся с фашистами, истекающий кровью Воронеж. Шестнадцатилетнего паренька Костю Феоктистова вместе с мамой эвакуируют на левый берег реки и дальше на юг. В одной из деревень Костя пишет матери прощальную записку и возвращается на линию фронта: он хочет воевать с фашистами. Становится разведчиком. Несколько раз под обстрелом врага переплывает линию фронта на занятый немцами правый берег реки Воронеж. Рискуя жизнью, добывает ценную разведывательную информацию: где находятся штабы, где располагаются минометные и артиллерийские батареи, сколько у противника танков. Попадает в плен. Бежит из плена. Снова идет в разведку. Теряет боевого товарища, которого знает еще со школы. Очередная вылазка в стан врага оказывается для Константина Феоктистова последней. Его расстреливает эсэсовец. Пуля попадает в голову. Проходит через подбородок и шею. Шансов выжить почти не было. Но юный разведчик жив и возвращается к своим.

Константин Петрович очнулся от воспоминаний. Посмотрел на часы. Прошло только пять минут.

«А как будто полжизни пролетело», — подумал космонавт.

— О чем задумался, Костя? — спросил врач Борис Егоров. Он был на 10 лет моложе и внешне походил на киноактера. Любил модно одеваться, когда не в космосе, и во время подготовки к полету открыл Феоктистову красоту джазовой музыки.

Константин Петрович рассказал.

— Тут ты прав, — кивнул всегда спокойный и сдержанный Комаров, — вся страна воевала, от мала до велика. Если бы мы войну немцам проиграли, Гитлер получил бы все, что нужно для мирового господства: нефть, уголь, металлы всей таблицы Менделеева, плодородные земли, бесплатную рабочую силу.

— Через несколько лет у него была бы непобедимая армия, — добавил Егоров. — Да и кого побеждать? Европу фашисты поставили на колени еще до того, как напали на нас. Англичане тогда реально тряслись от страха на своем острове. Из высоких кабинетов на Даунинг стрит неслось, как мантра: «Британия к войне не готова, в Дюнкерке катастрофа, давайте через Муссолини договариваться с Гитлером».

— Африка, Азия, Австралия и Латинская Америка отпадают сразу, — блеснул географическими знаниями Феоктистов, — достойное сопротивление могли оказать только США. Смотрите, мы как раз над ними пролетаем.

Внизу были видны обе Америки сразу.

— Больше ни у кого на планете не осталось бы боеспособной армии, — кивнул Егоров.

— Но американцы известные пижоны, они хорошо воюют только со слабыми странами, — оторвался от иллюминатора Комаров. — Чем слабее враг, тем свирепее американец.

— Медом их не корми, а дай чужими руками жар загрести, — щелкнул тумблером Константин Петрович. — Три года сидели за океаном и ждали, пока мы с немцами не на жизнь, а на смерть сражались. И второй фронт открыли, когда все уже было решено. Приплыли якобы воевать, а на самом деле Европу делить. Этого у них не отнять: когда надо себе карман набить, американцы первые в очереди.

Космонавты еще раз посмотрели в иллюминатор. Любоваться проплывающей под ними на расстоянии четыреста километров цветной картиной Земли можно было бесконечно. Все так легко узнаваемо: вот Африка, вот Мадагаскар, Персидский залив, Гималаи, Байкал, Камчатка... Горы, разноцветные озера, разные цвета морей у берегов, около устьев рек и вдалеке от них. Глаз не оторвать!

Весь экипаж находился под впечатлением от неземной земной красоты. Первым вернулся к действительности врач Егоров. Он устроился поудобнее в ложементе и сказал:

— Выходит, если бы мы немцев в священной войне за Родину не победили, то вот эта прекрасная планета была бы сейчас фашистской?

— Так и есть, — кивнул Феоктистов. — А все люди, Борис, были бы рабами нацистов. Книжки, театры, образование, спорт, лечение — привилегия победителей. Остальные — в грязь.

— И в космос неариец мог бы попасть только через лагерную печь.

Разговаривая, члены экипажа продолжали выполнять каждый свою плановую работу: измерения, съемки, эксперименты. Когда корабль находился над ночной половиной Земли в самых южных широтах полета, космонавтов ждало еще одно чудо — космическое полярное сияние. Это была уникальная картина! Почти все поле зрения занимали вертикальные столбы желтого цвета, поднимавшиеся на высоту нескольких сотен километров.

— Как будто мемориальная стела, — подумал Комаров.

— Страшной ценой, но мы победили, — угадал его мысли Феоктистов. — Вечная память тем, кто сложил свои головы за эту победу.

— Ребята, а солдатские матери — сколько горя вынесли их сердца.

— И те, кто, не жалея себя, ковал нашу победу в тылу.

Не сговариваясь, космонавты почтили память 27 миллионов погибших советских людей минутой молчания.

Время пролетело быстро. 16 витков вокруг Земли сделаны — пора домой. Спускаемый аппарат отделился от приборного отсека. Заработал тормозной двигатель, и вот уже вошли в атмосферу. В иллюминаторы ничего не видно: все залито ярким светом, идущим от раскаленной плазмы, окружающей аппарат. Сработали двигатели мягкой посадки. Удар, искры посыпались из глаз, шар перевернулся, и покорители космоса повисли на привязных ремнях вверх ногами. Ближе к люку находился Комаров, он вылез первым, за ним — Егоров и последним — Феоктистов. Огляделись. Приземляясь, спускаемый аппарат пропахал несколько десятков метров целинной земли неподалеку от Целинограда. Этот факт не остался незамеченным: через несколько дней космонавтов наградили медалями «За освоение целины».

А космическая одиссея Советского Союза продолжалась: не за горами был полет корабля «Восход-2» и первый выход человека в открытый космос.



Константин Феоктистов